

Борьба с терроризмом

Екатерина
Степанова
Ким
Крейгин

Интенсивность сотрудничества между Россией и США в борьбе с терроризмом во многом определялась общим состоянием двусторонних отношений. Но при этом само сотрудничество было одной из немногих функциональных областей, в которых тактическое взаимодействие никогда не прекращалось. Общая озабоченность проблемами безопасности с ростом терроризма и насильственного экстремизма заставляли Россию и США поддерживать сотрудничество даже в период серьезной напряженности отношений между ними. Борьба с терроризмом и насильственным экстремизмом, таким образом, дает потенциальные возможности восстановления двусторонних отношений или, по крайней мере, движения в направлении относительной нормализации.

В этой главе рассматриваются возможности улучшения сотрудничества Соединенных Штатов и России в борьбе с терроризмом и в противодействии насильственному экстремизму (ПНЭ). Основное внимание уделяется относительным угрозам насилия внутри обеих стран со стороны различных акторов – от радикальных исламистов до правых экстремистов. В главе также рассматриваются угрозы для обеих стран со стороны транснациональных террористических сетей и боевых группировок в двух региональных очагах террористической деятельности – в Сирии/Ираке и Афганистане, где интересы России и США переплетаются наиболее тесно. Мы пришли к выводу, что, несмотря на усиление напряженности между двумя странами, их интересы по этим направлениям совпадают. Соответственно, для развития сотрудничества имеются определенные возможности, хотя они и носят несколько ограниченный характер. Наши практические рекомендации включают:

- создание двусторонней российско–американской рабочей группы по сокращению как радикализации внутри стран, так и вербовки и потоков иностранных боевиков, в частности, в/из Сирии и Ирака;
- расширение механизмов по обмену информацией о незаконных финансовых потоках, питающих терроризм, в частности, связанных с незаконным оборотом наркотиков из Афганистана;
- содействие развитию инициатив по противодействию насильственному экстремизму в рамках дипломатии «второго трека», например, организации обменов на уровне общин (районов/городов) в реализации программ борьбы с радикализацией молодежи.

Екатерина Андреевна Степанова, д. полит. наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, профессор РАН, эксперт РСМД

Р. Ким Крейгин, старший научный сотрудник Университета Национальной Обороны

Российские и американские перспективы по борьбе с терроризмом

После избрания в 2008 году Барака Обамы президентом Соединенных Штатов правительство США сменило парадигму «глобальной войны с терроризмом» на противодействие насильственному экстремизму¹¹⁶. Тем самым Белый дом пытался сместить акцент на угрозу доморощенного экстремизма. Федеральные ведомства, в том числе Министерство национальной (внутренней) безопасности и Министерство юстиции, стали уделять основное внимание организации противодействия террористической радикализации со стороны общин. Кроме того, параллельно с приоритизацией стратегии ПНЭ, администрация Обамы расширила проведение операций по борьбе с терроризмом за рубежом, рассчитывая добиться снижения угрозы терактов на территории США. Достичь этой цели президент Обама намеревался, в основном, проведением высокоточных атак против отдельных лидеров и пособников террористов, главным образом, при помощи беспилотных летательных аппаратов, называемых «беспилотными ударами»¹¹⁷.

В отличие от Соединенных Штатов, подход России определялся масштабной внутренней угрозой терроризма, исходившей от этносепаратистского/исламистского мятежа на Северном Кавказе на протяжении более двух десятилетий. Вот почему конструкт ПНЭ не имеет точного аналога в России. При выработке своей политики Россия с самого начала была вынуждена поставить во главу угла доморощенные угрозы. Применение Россией военной силы за рубежом (в Сирии) стало частью ее программы борьбы с терроризмом лишь в 2015 году. Кроме того, Россия, постепенно усиливая внимание к другим формам экстремизма, понимает их гораздо шире *насильственного* экстремизма в трактовке Соединенных Штатов¹¹⁸.

Мы полагаем, что, несмотря на концептуальные различия, имеется достаточно оснований для сравнения стратегий двух государств по борьбе с терроризмом. Кроме того, определенное сходство наблюдается и в оценке угрозы обеими странами. Все это создает возможности для развития сотрудничества.

Таблица 1 показывает, что с точки зрения оценки угроз территория России после окончания холодной войны страдала от терроризма больше и чаще, чем территория США. Россия является единственным государством в Европе и единственным государством с доходом выше среднего уровня, которое оказалось в списке 10 стран, наиболее пострадавших от терроризма в первом десятилетии XXI века после терактов 11 сентября 2001 года. Это было связано, в основном, с террористической деятельностью исламистов и сепар-

¹¹⁶ U.S. Department of State / Department of State & USAID Joint Strategy on Countering Violent Extremism. May 2016. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/257913.pdf>.

¹¹⁷ National Strategy for Counterterrorism. President of the United States / White House. June 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/counterterrorism_strategy.pdf.

¹¹⁸ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 28.11.2014 г. № Пр-2753) URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html>

Таблица 1. Рейтинг России и США относительно 10 стран, наиболее пострадавших от террористической деятельности, Глобальный индекс терроризма (ГИТ, GTI)

ГИТ 2012 (2002-2011)		ГИТ 2014 (2000-2013)		ГИТ 2015 (2000-2014)	
Место	Страна	Место	Страна	Место	Страна
1	Ирак	1	Ирак	1	Ирак
2	Пакистан	2	Афганистан	2	Афганистан
3	Афганистан	3	Пакистан	3	Нигерия
4	Индия	4	Нигерия	4	Пакистан
5	Йемен	5	Сирия	5	Сирия
6	Сомали	6	Индия	6	Индия
7	Нигерия	7	Сомали	7	Йемен
8	Таиланд	8	Йемен	8	Сомали
9	Россия	9	Филиппины	9	Ливия
10	Филиппины	10	Таиланд	10	Таиланд
...		11	Россия	...	
...		...		23	Россия
...		30	Соединенные Штаты	...	
...				35	Соединенные Штаты
41	Соединенные Штаты				

Источник: Global Terrorism Index. Sydney: Institute for Economics and Peace. 2012–2015.

ратистов во время вооруженного конфликта на Северном Кавказе¹¹⁹. После 2011 года, когда террористическая активность на Северном Кавказе понизилась, положение России в рейтинге улучшилось. В результате, согласно Глобальному индексу терроризма на 2015 год, Россия впервые не вошла даже в двадцатку стран, наиболее пострадавших от терроризма.

Несмотря на улучшение этих позиций, Россия все чаще стала ощущать на себе последствия транснациональных экстремистских влияний, связей и идеологий, особенно распространяемых ИГ (Исламским государством Ирака и Леванта). Новой угрозой для Северного Кавказа стало возвращение боевиков из Сирии и Ирака и присяга местных исламистских группировок на верность ИГ. Кроме того, новым для России стало появление радикально настроенных элементов, действующих индивидуально или объединенных в группы. В отличие от применяющего насилие подполья на Северном Кавказе, эти ячейки, состоящие как из одиночек, так и целых сетей адептов, мало или вообще не связаны напрямую с зарубежными террористическими организациями. Но эти местные ячейки зачастую находятся под влиянием транснациональной пропаганды, особенно ИГ¹²⁰.

¹¹⁹ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002-2011. Sydney: Institute for Economics and Peace. 2012. P. 7. URL: <http://www.reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2012-Global-Terrorism-Index-Report.pdf>

¹²⁰ Степанова Е.А. «Исламское государство» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы // ПОНАРС Евразия. Аналитические записки. 2015. № 393. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr393_rus_Stepanova_Dec2015_0.pdf

Таблица 1 также показывает, что между 2000 и 2014 гг. ни одно западное государство, в том числе США, не входило в 25 стран, пострадавших от терроризма больше других¹²¹. Это не означает, что в Соединенных Штатах террористических актов не было. В силу глобального присутствия, своих интересов и региональных обязательств в сфере безопасности, Соединенные Штаты стали главной мишенью транснациональных террористических сетей с широкой, в том числе, глобальной повесткой дня. За исключением терактов 11 сентября 2001 года, эти транснациональные угрозы не материализовались на территории США в соизмеримом масштабе.

Таким образом, при оценке угроз, как для своих территорий, так и за рубежом, позиции России и США совпадают в наибольшей степени в отношении транснационального терроризма, вдохновленного Аль-Каидой, особенно, структур ИГ. Обе страны разделяют озабоченность ролью ИГ, катализатора дестабилизации на Ближнем Востоке и перемещением потоков иностранных боевиков в Сирию и Ирак. Конечно, даже по вопросу международного терроризма между странами имеются разногласия. Например, согласившись, что ИГ и «Джабхат Фатх аш-Шам» (ранее «Джабхат ан-Нусра») представляют угрозы, Соединенные Штаты и Россия по-разному оценивают другие боевые группировки, действующие в Сирии. Эти разногласия усугубили и без того серьезные расхождения в оценке Россией и США ситуации в Сирии, как показано в главе, посвященной Ближнему Востоку. Тем не менее, борьба с транснациональным терроризмом представляет приоритетную область будущего сотрудничества двух стран.

Различия в подходах к стратегиям борьбы с терроризмом между Россией и США не столь существенны, как принято считать. Обе страны готовы предпринять односторонние действия в борьбе с терроризмом, если это диктуется уровнем угрозы. К тому же, обе страны по-прежнему отдают предпочтение силовым решениям в противодействии терроризму. С другой стороны, и Россия, и США искренне заинтересованы в прекращении вооруженных конфликтов за рубежом, которые во многом подпитывают глобальный терроризм, в частности, в Сирии и Афганистане. Хотя Россия вряд ли придаст ПНЭ такое же значение, что и Соединенные Штаты, но обе страны, вполне очевидно, сохраняют приоритет безопасности в стратегиях борьбы с терроризмом.

Россия, как и США подвергаются насилию экстремистов правого толка. В США терроризм крайне правых уносит, в среднем, в 3,5 раза меньше жизней, чем исламистский терроризм, но зато проявляется чаще. С 11 сентября 2001 г. по 1 октября 2016 г. произошло 18 терактов со смертельным исходом, в результате которых погибло 48 человек¹²². В России правый экстремизм был направлен, в основном, против мигрантов и проявлялся не в терактах, а в вандализме и иных нарушениях правопорядка. За исключением терроризма

¹²¹ Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics and Peace, 2015. P. 10–11.

URL: <http://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf>

¹²² По состоянию на 1 октября 2016 года, начиная с 9 сентября 2001 г. американские крайне правые экстремисты провели 18 терактов со смертельным исходом, в результате которых погибли 48 человек. Part IV: What is the Terrorist Threat to the United States Today? In Depth: Terrorism in America After 9/11 // The New America Foundation data.

исламистов и сепаратистов, связанного с конфликтом на Северном Кавказе, два других основных типа доморожденного насильственного экстремизма характерны и для России, и для США. Это *исламистские группировки, связанные с транснациональными структурами, и экстремистские группировки крайне правого толка*. В данном разделе доклада основное внимание уделяется первому типу экстремизма, но мы видим возможности для сотрудничества в противодействии группировкам второго типа, что и отражено в наших рекомендациях.

Подходы России и США к противодействию насильственному экстремизму (ПНЭ)

Как уже отмечалось выше, в последние годы Россия и США разработали собственные стратегии ПНЭ. В Соединенных Штатах ПНЭ более развито институционально, на уровне доктрины. Особенно в том, что касается вовлеченности в процесс местных общин и гражданского общества в целом. Акцент на местный уровень и общину занимает центральное место в политике США по ПНЭ как в теории, так и на практике. Эта стратегия не просто основывается на модели правоохранительной работы на местном уровне, первоначально разработанной для противодействия насилию, порожденному бандитизмом и наркоманией. Стратегия дополняет широкий спектр ненасильственных методов и подходов активной вовлеченностью в эту работу местных органов власти, общественных организаций, лидеров общин и гражданского общества. Хотя некоторые НПО получают финансовую поддержку федерального правительства США, например, Министерства национальной безопасности¹²³, роль правительства сводится к посредничеству, спонсорству и предоставлению аналитических ресурсов¹²⁴.

Стратегия ПНЭ России тоже включает «органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица» в перечень «субъектов противодействия экстремизму»¹²⁵. Однако на практике решением задач ПНЭ, в том числе ведением воспитательно–просветительской и профилактической работы, занимаются, в основном, централизованные государственные структуры или НПО, связанными с государством. Вместе с тем, Россия обладает рядом сравнительных преимуществ в противодействии насильственному экстремизму. Хотя в последнее время Россия также начала сталкиваться с проблемой радикализации мусульманских мигрантов, однако на протяжении многих столетий крупные мусульманские общины являлись частью населения страны. Поэтому мусульманское население России значительно лучше интегрировано в общество, чем мусуль-

¹²³ Закон об ассигнованиях Министерства национальной безопасности в 2016 году (Публичный закон 114-113). Разд. 543 Закона и сопровождающая пояснительная записка выделяют \$ 10 млн. на «инициативу противодействия насильственному экстремизму (ПНЭ) для помощи штатам и местным сообществам с целью подготовиться, не допустить и отреагировать на возникающие угрозы насильственного экстремизма». Подробнее см.: URL: <https://www.dhs.gov/cvegrants>

¹²⁴ Strategic Implementation Plan for Empowering Local Partners to Prevent Violence Extremism in the United States. Department of the United States / White House. December 2011. URL: <https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/sip-final.pdf>

¹²⁵ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

манские диаспоры в Европе¹²⁶. Это позволило России, несмотря на затяжную борьбу с повстанцами в одном из своих регионов, населенных мусульманами, избежать секьюритизации населения, наладить диалог с мусульманским духовенством и вовлечь его в борьбу с насильственным экстремизмом.

Другая область общих интересов – устранение причин недовольства и внешних конфликтов, которые порождают терроризм и насильственный экстремизм. Путь к этому – прекращение вооруженных конфликтов, способствующих распространению экстремизма, а также содействие установлению мира, восстановлению и развитию. Как и в сфере борьбы с терроризмом, значительные разногласия препятствуют сотрудничеству между Россией и США по противодействию насильственному экстремизму за рубежом. Одно из разногласий – что считать оптимальным способом устранения причин недовольства, приводящего к вооруженным конфликтам, порождающим терроризм. Соединенные Штаты полагают, что механизмом, способным снять недовольство, является демократизация, а Россия отдает приоритет сохранению и укреплению основополагающей государственной функциональности и стабильности. Особенно наглядно эти разные подходы проявились в Сирии, что отдельно рассмотрено в главе, посвященной Ближнему Востоку.

Возможности для улучшения сотрудничества

Начиная с 2014 года, большинство *институциональных* механизмов по безопасности в рамках российско–американского сотрудничества по борьбе с терроризмом/экстремизмом, перестали функционировать. Соединенные Штаты (и их евроатлантические союзники) заморозили или приостановили на неопределенное время работу этих механизмов в ответ на политику и действия России в отношении Украины. С 2009 по 2014 гг. Россия и США использовали две рабочие группы для координации борьбы с терроризмом на двустороннем уровне. Одну возглавляли высокопоставленные российские и американские дипломаты, другую, четырехстороннюю, – руководители высшего звена ЦРУ, ФБР, СВР и ФСБ. Форматы сотрудничества на многостороннем уровне были аннулированы или приостановлены в диапазоне от Совета Россия–НАТО до G–8 («Группа восьми по противодействию терроризму»).

В этих условиях мы полагаем, что, хотя прошлый опыт заслуживает должного признания¹²⁷, рассчитывать на возобновление деятельности отдельных

¹²⁶ Stepanova E.A. Radicalization of Muslim immigrants in Europe and Russia: beyond terrorism. PONARS Eurasia Policy Memo no. 29. August 2008. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_029.pdf; Stepanova E.A. Islamist terrorism as a threat to Europe: the scope and limited of the challenge. In D. Ulusoy (Ed.). Political Violence, Organised Crime, Terrorism and Youth. Amsterdam: IOSPress, 2008. P. 141–158.

¹²⁷ Меморандум о сотрудничестве между Федеральным бюро расследований (ФБР) США и Федеральной службой безопасности России (ФСБ), Москва, 2004; Меморандум о взаимопонимании между Министерством национальной безопасности США и ФСБ. 2006. URL: <http://fas.org/sgp/news/2007/01/dhs012607.pdf>; Меморандум о взаимопонимании между Министерством обороны США и Министерством обороны Российской Федерации по сотрудничеству в борьбе с терроризмом. 06.05.2011; Совместное заявление президентов Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации по сотрудничеству в борьбе с терроризмом / Официальный сайт Администрации Президента России. 26.05.2011. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/940/print>; Совместное заявление президентов Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. 17.06.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1478>

структур и механизмов, а то и большинства из них, не приходится. Вот почему рекомендации, приведенные в данной статье, предлагают направления, по которым необходимо двигаться, чтобы выйти из создавшегося тупика. В этой главе мы уделили особое внимание двум сферам, имеющим особое значение и для России, и Соединенных Штатов. Первая: противодействие транснациональным угрозам, в особенности в Сирии и Афганистане. Вторая сфера: противодействию насильственному экстремизму, прежде всего, внутренней радикализации и вербовке.

Основополагающие рекомендации

Создать двустороннюю российско–американскую рабочую группу по решению тесно взаимосвязанных проблем вербовки/потоков иностранных боевиков и радикализации внутри России и США.

Повысить роль и важность противодействия насильственному экстремизму. Усилить борьбу с ним и дерадикализацию на основе новых или восстановленных двусторонних механизмов. Это позволит, при общих политических условиях, полностью сосредоточиться на борьбе с терроризмом и ПНЭ, а не на целевых дискуссиях, что было характерно для прежних структур. Необходимо найти оптимальный баланс между этими двумя направлениями и добавить к рассмотрению другие категории экстремизма, такие как насилие со стороны крайне правых экстремистов и движений.

Всячески содействовать, особенно в рамках ООН, обновлению и активизации многосторонних усилий, в том числе на региональном уровне. Это поможет добиться урегулирования региональных конфликтов, на которые приходится две трети террористической деятельности в XXI веке. В первую очередь это относится к кровопролитным и существенно выходящим за национальные рамки гражданским войнам в таких слабых государствах, как Ирак, Сирия, Афганистан, Йемен, Сомали и Ливия. Возможно, это и есть самая важная *долгосрочная стратегия по сокращению и предотвращению терроризма.*

Расширить сотрудничество и добиться широких многосторонних усилий, чтобы остановить или ограничить транснациональные потоки иностранных боевиков/террористов в зоны конфликтов. Необходимо также перерезать финансовые потоки в поддержку международного терроризма и не допустить поступления особых видов вооружений в руки террористов.

Рекомендации, связанные с Сирией

Хотя доклад включает отдельный раздел по сотрудничеству России и США на Ближнем Востоке, в Сирии интересы стран в отношении международного терроризма также во многом совпадают. Вот почему, учитывая это, в контексте сотрудничества по борьбе с терроризмом, России и Соединенным Штатам надлежит принять ряд мер.

Взять за основу подход, базирующийся на «ограниченной солидарности», что подразумевает соперничество и ограниченную координацию. Более

тесно координировать военные действия против ИГ в Сирии, чтобы избежать потерь среди гражданского населения при нанесении ударов по боевикам.

Найти компромисс или обойти разногласия по отнесению воюющих группировок к экстремистам, чтобы объединить усилия в борьбе против ИГ и «Джабхат Фатх аш-Шам» и добиться прогресса в поиске дипломатического/политического решения по Сирии.

В ходе дипломатических переговоров сделать частью любого мирного плана по Сирии положение, согласно которому все иностранные боевики должны покинуть страну по завершении конфликта¹²⁸.

Начать двусторонние переговоры о помощи Сирии в восстановлении, развитии и институциональном строительстве, включая укрепление национального антитеррористического потенциала страны по окончании конфликта.

Рекомендации, связанные с Афганистаном

Как в случае с Сирией, в статье о сотрудничестве между Соединенными Штатами и Россией на Ближнем Востоке предлагаются также рекомендации по Афганистану. Причем они касаются не только борьбы с терроризмом.

Необходимо восстановить российско–американскую рабочую группу по борьбе с терроризмом в качестве официальной *российско-американской рабочей группы по Афганистану* вне зависимости от того, будет ли восстановлен какой–либо иной более широкий, институционализированный двусторонний межправительственный формат. Примечательно, что, несмотря на российско–американские разногласия по косовскому кризису 1999 года, первоначальная двусторонняя российско–американская рабочая группа по Афганистану была создана в 2000 году. Она не только предшествовала теракту 9 сентября 2001 г. и последующему сотрудничеству между Россией и США по Афганистану, но и переросла затем в российско–американскую Рабочую группу по борьбе с терроризмом.

Расширять и совершенствовать механизмы по обмену информацией, как на двусторонней основе через соответствующие органы финансовой разведки каждого государства, так и посредством контактов в рамках многосторонних структур. Цель – мониторинг незаконных денежных потоков, трансграничного отмывания денег от незаконной торговли наркотиками, что наряду с другими источниками используется для финансирования терроризма и насильственного экстремизма.

Возобновить в Совете Россия–НАТО консультации по Афганистану с упором на борьбу с терроризмом. Хотя понятно, что консультации, скорее всего, будут носить ограниченный характер – отношения между Россией и НАТО напряжены, прежде всего, из–за событий на Украине.

¹²⁸ Аналогичное положение было включено в Дейтонские соглашения и, поскольку не все иностранные боевики покинули страну, оно предоставило местным должностным лицам полномочия выдворить тех, кто не был согласен с мирным соглашением.

Побудить НАТО и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) проводить консультации по связям терроризма и транснациональной преступности в Центральной Азии. К консультациям могут быть привлечены Туркменистан и Узбекистан, поскольку эти страны используются преступниками для транзита. Мы полагаем, что взаимодействие в борьбе с терроризмом вполне возможно, даже если НАТО и ОДКБ будут по-прежнему воздерживаться от сотрудничества в «традиционной» военно–политической сфере.

Рекомендации, связанные с внутренней радикализацией

На двусторонней основе необходимо противодействовать насильственному экстремизму в тех случаях, где нет существенных политических разногласий. Следует дискредитировать экстремистские нарративы и пропаганду террористов, препятствовать распространению их сообщений и вербовке боевиков с помощью современных средств информации и связи, уделяя особое внимание транснациональным сетям насильственного экстремизма.

Обмениваться положительным опытом в борьбе с экстремизмом крайне правых, с чего в 2011 году начался диалог между Россией и США по вопросам борьбы с радикализацией. Взять на вооружение позитивный опыт друг друга в противодействии экстремизму и в дерадикализации.

Американскому правительству при разработке инициатив по борьбе с насильственным экстремизмом может оказаться полезным опыт России по вовлечению основных мусульманских общин в противодействие насильственному экстремизму и отказа от их широкой секьюритизации, несмотря на соблазн прибегнуть к ней из соображений безопасности. А России следует тщательно изучить американский опыт правоохранительной работы на местном уровне, как в силу общей эффективности вообще, так и применительно к ПНЭ.

Надо поощрять обмены «второго трека» на уровне местных сообществ (район/город) по молодежным программам, направленным на предотвращение радикализации молодежи или на ее дерадикализацию. Включить тематику ПНЭ в повестку дня неправительственного, двустороннего Дартмутского процесса, возобновившего свою работу в апреле 2015 года.

Эффективным форматом могут стать специальные двусторонние экспертные группы по борьбе с насильственным экстремизмом и доморощенным радикализмом с привлечением в их состав религиозных лидеров, руководителей НПО и ученых.

Заключение

В заключение предлагаются следующие направления борьбы с терроризмом и противодействия насильственному экстремизму, наиболее перспективные для российско–американского сотрудничества.

США и России следует строить отношения на основе принципа «ограниченной солидарности», координируя более тесно военные действия против ИГ в Сирии.

Россия и США могли бы расширить текущие дискуссии по ПНЭ и сделать предупреждение насильственного экстремизма центральной темой любых новых или восстановленных старых двусторонних структур. Лучший баланс между противодействием терроризму и ПНЭ можно достичь, в частности, запустив регулярный диалог по взаимосвязанным проблемам противодействия террористам, транснациональным потокам/вербовке боевиков и домогательской радикализации.

В структурах, осуществляющих связь между разными штатами, и при двусторонних контактах на уровне «второго трека», Соединенные Штаты могли бы использовать российский опыт взаимодействия с основными мусульманскими общинами страны и духовенством. Для России американский опыт правоохранительной работы на местном уровне может оказаться бесценным при осуществлении ПНЭ.